

ОТРАЖЕНИЕ СУДЕБ ДЕТЕЙ ВО ВРЕМЯ ХОЛОКОСТА В ПРИБАЛТИКЕ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ, ВОСПОМИНАНИЯХ, ФИЛЬМАХ

Ужасное событие невозможно представить или выразить, но вы обязаны сделать это.

Сэмюэл Беккет

В этой статье я попытаюсь изложить некоторые размышления о судьбе одной из наиболее незащищенных групп, которые погибли во время *Холокоста, — о детях, а также о том, как их судьба представлена в литературе, воспоминаниях, фильмах и изобразительном искусстве. Мы увидим, как в этих произведениях воссоздана ужасная, но реальная вселенная, которую трудно представить, но которая существовала.

Поскольку возраст детей играл большую роль в том, что с ними происходило, мы можем условно разделить их на три возрастные группы: от новорожденных до шести лет, от семи до двенадцати лет и подростки от тринадцати до восемнадцати лет. Чем старше были дети, тем больше шансов у них было выжить. Но перед тем как обсуждать эту тему, необходимо знать и понимать те события, которые привели их к этой судьбе.

Точное количество детей, которые погибли во время Холокоста, неизвестно. Некоторые статистические данные дают цифру в полтора миллиона, включая 1 млн 200 тыс. еврейских детей. Остальные 300 тыс. — это немецкие, польские, французские и восточноевропейские дети-инвалиды, а также десятки тысяч цыганских детей, которые были убиты нацистским режимом.

Многие дети уцелели чудом. Однако их судьбы и спасение весьма отличались от судеб взрослых. Для того чтобы понять, что произошло с детьми, пережившими Холокост, необходимо принять во внимание разницу между тем, как думают и чувствуют дети, и тем, как думают и чувствуют взрослые.

В нормальных условиях у детей есть чувство уверенности, безопасное окружение, любовь и внимание со стороны их семьи и общества, обеспечение их нужд и возможность учиться и играть, для того чтобы приобрести навыки, необходимые в будущем. Холокост перечеркнул эти простые понятия.

Те дети, которые спаслись (по крайней мере на какой-то промежуток времени), выжили благодаря ряду причин. У некоторых была видимость нормальной жизни на какой-то промежуток времени (как в концлагере Терезиенштадт), 10 тыс. детей были отправлены «детским транспортом» в Великобританию¹, некоторые прятались (как Анна Франк; см. прим. 1 на с. 170. — *Ред.*), многие поменяли свою естественную роль и стали спасателями взрослых (как, например, в Варшавском *гетто).

Давайте посмотрим на события, которые привели к уничтожению детей сначала в Германии, а позднее во всей Европе, включая Прибалтику и окружающие славянские страны.

Как хорошо известно, евреи были особой мишенью нацистов и еврейские дети страдали вместе с родителями. Целью нацистского правительства было уничтожение морального и физического духа еврейского народа. Евреев превратили в «нелюдей».

Наряду с другими аспектами общественной жизни нацистское «евангелие» проникло и в образование. Учебники пропагандировали чрезвычайный национализм и расовую ненависть, выделяя еврейский народ с яростью, не имевшей precedентов в современной истории. Дети, в частности, были мишенью непостижимой нацистской жестокости². Их рассматривали как угрозу для безопасности государства³.

Одним из таких чрезвычайных текстов был «Ядовитый гриб», который цитируется в книге «Розы с планеты. Биография Анны Франк»⁴. В тексте сравнивается убийственная сила ядовитого гриба с ядовитой силой еврея, который может разрушить общество. Другая книга, которая использовалась, чтобы подвергнуть молодежь нацистской Германии идеологической обработке, называлась «Нацистский букварь». Этот учебник описывал разницу между евреями и арийцами, используя чудовищное искажение физических и духовных характеристик евреев.

Начиная с 1933 г. дети — евреи и цыгане обнаружили, что они находятся в очень недружелюбной обстановке: близкие друзья неожиданно начали избегать их, стали вести себя агрессивно и издеваться над ними на виду у всех.

15 ноября 1938 г. еврейским и цыганским детям было запрещено посещать немецкие школы. Там, где это было возможно, образование еврейских детей продолжалось: одних учили дома, другие ходили в сегрегированные школы, третьи посещали школы, организованные еврейскими общинами. Но большая часть этого образования была временной.

Картинка из немецкой книжки для детей «Ядовитый гриб» (1938 г.). Учителя и ученики выгоняют еврейских детей из школы, которая теперь становится «чисто арийской»

«Выгони евреев». Игра, распространявшаяся в Германии в 30-е гг.

Кроме ужасных последствий, которые нацистская политика вызывала в образовании, события того времени сказывались и на играх как немецких, так и еврейских детей. Например, немецких детей поощряли играть в настольную игру, которая называлась «Выгони евреев». Эта игра была создана для того, чтобы влиять на души молодых и поощрять ненависть и «законное» преследование евреев среди молодого поколения.

Что же мы можем видеть в играх еврейских детей в военные годы?

В жизни этих детей игра была на втором месте — после выживания. Приоритетом номер один в мыслях узников были попытки найти лишний кусочек хлеба, мяса или овощей. Семьи были под экстремальным физическим и психологическим давлением. Игры, в которые играли дети, отражали жизнь общины в лагерях, где они находились. Игрушек было очень мало. Дети в гетто собственноручно делали игрушки из лоскутков, которые удавалось найти⁵. Дети создавали свои собственные игры: обычные полицейские и грабители, ковбой и индейцы теперь превращались в акции, взрыв бункеров, резню или конфискацию одежды убитых⁶. Игры детей отражали страдания и жестокость, которые их окружали.

Более того, родители связывали воспитание детей с текущими событиями и реальностью. Например, известно, что в Варшавском гетто мать говорила ребенку: «Если ты все не съешь, тебя увезут на транспорте»⁷, — вместо: «Если ты все не съешь, тебя заберет бука».

Теперь обратимся к судьбам самой младшей группы детей — от рождения до шести лет — и посмотрим на то, как их судьбы отражены в литературе, воспоминаниях, дневниках и фильмах.

Два рассказа Иды Финк знакомят нас с тем, как маленькие дети переживали Холокост. Ида Финк родилась в Польше в 1921 г. После того, как нацисты оккупировали Польшу, Ида находилась в гетто до конца 1942 г., когда ей удалось бежать. Она пряталась до конца войны и таким образом спаслась. Переживания этого периода оказали влияние на то, как она описывает место действия в своих рассказах: ограниченные пространства, крошечные комнатки, подвалы — места, в которых человек может остаться в живых немного дольше. Рассказы «Игра с ключом» и «Весеннее утро»⁸ повествуют о том, как страх перед немцами сбивал с толку и разрушал нормальный образ жизни детей.

Рассказ «Игра с ключом» показывает, как много зависело от детей: каждый вечер трехлетний мальчик и его родители играли в одну и ту же игру, чтобы ребенок запомнил, что делать, когда нацисты придут за его отцом. Так как ему только три года, то он не совсем понимает, о чем идет речь. Для него это только игра, в то время как для его отца это грань между жизнью и смертью. У трех героев рассказа нет имен, что делает рассказ более безличным, более обыкновенным и более отдаленным от реальности. И хотя рассказ очень короткий, всего две страницы, он дает нам возможность увидеть не только окружающую обстановку и характеры героев, но и прошлое и будущее этой семьи. Маленький мальчик, который старается все сделать как надо, кажется, получает удовольствие от игры, но в то же самое время начинает понимать, что это не обыкновенная игра. Ребенок пытается научиться, как спасти своего еврейского отца от смерти, но ему очень трудно произнести последние слова игры: «Он мертв», — потому что он понимает значение этих слов.

Герои рассказа «Весеннее утро» почти идентичны с героями рассказа «Игра с ключом», но у мужчины и женщины есть имена, в то время как у ребенка имени нет. Ребенок в рассказе — это пятилетняя девочка, которая понимает намного больше, чем

трехлетний мальчик. Попытка отца спасти свою маленькую дочку кончается провалом — ее расстреливают на глазах у родителей. Мужчина и его жена надеются, что девочка простит их за то, что они произвели ее на свет, но не смогли спасти ей жизнь.

Хотя Ида Финк во время оккупации не была маленьким ребенком, глубина ее понимания детского образа мыслей очевидна при взгляде на воспоминания самых маленьких детей.

Во время Холокоста многих детей отдали нееврейским семьям, чтобы спасти. Раисе В. из Бобруйска (Белоруссия) было пять лет, когда ее мать оттолкнула ее в сторону в надежде, что кто-нибудь возьмет ее и таким образом спасет ей жизнь. Раисе, в отличие от маленькой девочки из рассказа Иды Финк «Весеннее утро», повезло. Через полстолетия Раиса все еще пытается понять, почему ее мать выбрала ее, а не одну из трех ее сестер: «Выбрала ли она меня потому, что я была самой тихой, или потому, что я была похожа на нее. Я так хотела бы вспомнить лицо моей матери, но не могу»⁹.

Фрида М. из местечка Видзы в Белоруссии, с другой стороны, почти не упоминает свою мать. Когда ее отвезли на ферму за городом и отдали в католическую семью, она полностью утратила свою религиозную и этническую индивидуальность. В течение многих лет после того, как ее сестра забрала ее, Фрида продолжала тайком произносить в постели католические молитвы и говорить своей сестре: «Я не хочу быть еврейкой»¹⁰.

В средней возрастной группе — от семи до двенадцати лет — и в художественной литературе, и в воспоминаниях продолжается тема потери индивидуальности. Как заметил один польский ребенок, переживший много концентрационных лагерей, даже его родной язык был утрачен, так как дети говорили на языке типа эсперанто — на смеси многих языков. Из-за юного возраста попадавших в лагерь детей они легко теряли родной язык¹¹.

Беньямин Вилькомирский, родившийся в Риге, пишет: «У меня нет родного языка, языка матери или отца. Корни моего языка — в идише моего старшего брата Мордехая, с наслоениями всякой чепухи, собранной в разных детских бараках в нацистских лагерях смерти в Польше.

У нас был маленький словарный запас, он сам по себе сократился до голого минимума, необходимого, чтобы сказать и понять то, что помогло бы спасению. В какой-то момент в это время речь оставила меня совсем, и прошло долгое время, пока я смог обрести ее опять. Поэтому для меня не было большой потерей, когда я почти забыл эту тарабарщину, потерявшую смысл с концом войны.

Но языки, которые я выучил позже, никогда не были моими языками. Они были только имитацией речи других людей»¹².

Такая легкая потеря индивидуальности имела и свои преимущества, так как позволяла детям легче приспосабливаться. Один из таких примеров изображен в фильме «Европа, Европа» (режиссер Агнешка Холланд). Фильм является экранизацией автобиографии Соломона Переля и показывает, как легко дети могут приспособиться к новым ситуациям. Когда Соломон понял, что евреи обречены, то решил делать вид, что он не еврей. Он отворачивается от жизни, которую знал, и от всего, что он выучил, и придумывает себе новое прошлое. Когда Соломон оказывается в русском детском доме в Гродно (Белоруссия), он становится преданным членом Ленинского комсомола. Позднее, став солдатом немецкой армии, он настолько убедителен, что нацистский офицер и его жена предлагают усыновить его после войны. Соломона посылают в школу для гитлерюгенда, где он опять должен скрывать тот факт, что он еврей и прошел обряд *обрезания. Он идет на самые крайние меры,

чтобы избежать медицинского осмотра в школе, который выдал бы его: он симулирует зубную боль и соглашается, чтобы у него вырвали абсолютно здоровый зуб.

Такая потеря индивидуальности означала, что даже после окончания войны у этих детей не было ясного представления о том, кто они такие. Это особенно обострилось в тех случаях, когда детей, оставшихся сиротами во время войны, усыновляли или удочеряли нееврейские семьи. Таким примером является упомянутый выше Беньямин Вилькомирский, усыновленный швейцарской семьей.

Этот феномен относится не только к тем, кто находился в Европе, оккупированной нацистами, но и к детям, которые были отправлены в Сибирь после советского вторжения в Польшу и страны Прибалтики. В одном из воспоминаний девочка, которой было восемь лет, когда ее отправили в Сибирь вместе с матерью, бабушкой и дедушкой, стала считать себя русской и отказывалась возвращаться в Вильнюс после войны. И это несмотря на то, что она все время находилась вместе со своей матерью¹³.

С другой стороны, были дети, которые видели мир совсем иначе. Они создавали мир, полный фантазии, красок, счастья, — мир, где они могли спрятаться от реальности, убежище, которое для них являлось реальным. Нелли Толл, которой было только шесть лет, когда немцы вошли во Львов в 1941 г., начала вести записки (польск. *notatki*). В течение двух лет, пока христианская семья прятала Нелли и ее мать, девочка начала переделывать эти записки в дневник, описывая в нем то, что она испытала начиная с 1941 г. И хотя ее дневник отражает душераздирающие события жизни в убежище, рисунки Нелли трансформировали удручающую реальность в яркую фантазию, полную чистого неба, счастливых семей, школьных друзей, прекрасной природы. К рисункам девочка написала рассказы, которые являют нам любящего, творческого ребенка с развитым воображением, погруженного в свой собственный мир. Например, на рисунке «Совсем одна» изображена красивая опрятная девочка с грустными глазами. В рассказе к этому рисунку Нелли пишет: «Я придумала историю, в которой девочка должна идти куда-то одна, она одинока. Это то, что я чувствовала, когда мои родители отдали меня в семью Крайтеровых»¹⁴.

Это очень редкий случай, когда дневники писались во время Холокоста таким маленьким ребенком, как Нелли. Большинство воспоминаний в этой возрастной группе были написаны уже после войны. Например, Шошана Рабинович в своей книге «Спасибо моей маме» представляет свои воспоминания так, как будто они были написаны во время происходящих в них событий, хотя на самом деле они были написаны после войны, за исключением некоторых стихов, сочиненных в гетто в Вильнюсе и в лагерях¹⁵.

Во время как для детей средней возрастной группы дневники были несущественными, для подростков от тринадцати до восемнадцати лет они становились друзьями и союзниками.

Предоставляя возможность записывать свои переживания, свое видение происходящих событий, изменения в их судьбах и в судьбах их близких и друзей, дневник для многих стал орудием выживания и защиты. Повезло тем, у кого был доступ к бумаге и карандашам, потому что достать эти вещи в лагерях и укрытиях было нелегко. Однако и это не останавливало и не подавляло творчества. Стихи писали и запоминали наизусть или пели, используя популярные мелодии. Стихи были утверждением жизни, личным спасением, историческим документом, свидетельствующим об уничтожении, развернувшимся вокруг этих детей¹⁶.

Характерным примером является дневник, написанный Исааком Рудашевским из Вильнюса. Мальчик, которому в начале оккупации было тринадцать лет, показал

себя весьма грамотным в политике: «Гитлеровцы напали на нашу родину. Они навязали нам войну. Мы отомстим им, мы разобьем агрессора на его собственной земле»¹⁷. Он писал свой дневник на идише и был частью процветающей еврейской общины. По зрелости и литературному мастерству его дневник можно сравнить с дневниками Анны Франк и Этти Хиллесум. Рудашевский больше озабочен поисками смысла жизни и пониманием окружающего мира, чем описанием событий.

В воспоминаниях Эли Визеля «Песнь мертвых» мы встречаемся с мальчиком-подростком, которому только четырнадцать лет, но который старше, чем многие окружающие его взрослые. Этот мальчик видит то, чего не видят взрослые: «Мне еще не было пятнадцати лет, когда я впервые присутствовал на странной дискуссии о достоинстве и смерти и о возможной связи между ними. Люди, которые были мертвы, но еще не знали этого, обсуждали скорее необходимость, чем возможность умереть с достоинством»¹⁸.

Можно смело сказать, что это взросление является общей характеристикой многих детей, находившихся в лагерях. В ряде интервью, взятых сразу после войны, так же как и в воспоминаниях, написанных в послевоенный период, красной нитью проходит тема раннего взросления. Подростки не помнили ничего (или помнили очень мало) о своем детстве. Они становились взрослыми даже в тринадцатилетнем возрасте. Казалось, что они никогда не были маленькими.

Рассмотрев разные типы переживаний, с которыми столкнулись дети во время Холокоста, мы можем сделать ряд заключений.

Судьбы детей, которые находились во время Холокоста в Прибалтике и соседних славянских странах, мало чем отличались от судеб детей в остальной части Европы. Места пребывания детей в это время сильно влияли на их мировосприятие. У подростков, которые находились в лагерях, не было времени размышлять о том, что происходит, — они должны были постоянно думать и действовать, как взрослые, чтобы выжить. И хотя их переживания были очень разными, они всегда приводили к утрате детства, о котором дети помнят очень мало или вообще не помнят ничего.

В противоположность этому, те дети, которые жили в гетто или прятались, имели больше времени для размышлений и погружения в свой внутренний мир, хотя выжить им было труднее.

Создается впечатление, что авторы мемуаров и рассказов застряли в одной временной зоне, как путешественники в космосе, и зона эта началась для них в тот момент, когда Холокост коснулся их лично, и продолжалась до тех пор, когда он для них закончился. Они как бы застряли в этом времени: детство исчезло, а будущее весьма призрачно.

Сидней Айвенс, который пережил четыре года, полных террора, перебираясь с одного места на другое — из Литвы в Латвию, из Латвии в Белоруссию, пишет в своей книге «Как темны небеса: 1400 дней в тисках нацистского террора»: «...на определенном уровне моего сознания я никогда не оставлял то время позади. Я переживаю его каждый день заново»¹⁹.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Документальный фильм *“Into the arms of strangers. Stories of the Kindertransport”* («В руки к чужим. Рассказы о детском транспорте»). Реж. М. Харрис.

² Eisen G. Children and play in the Holocaust: Games among the shadows. Amherst, 1988. P. 5, 13—16.

³ Ibid. P. 14.

- ⁴ Lee C. A. *Roses from the Earth: The biography of Anne Frank*. [S. l.], 1999. P. 22.
- ⁵ Eisen G. Op. cit. P. 70.
- ⁶ Ibid. P. 76.
- ⁷ Dwork D. *Children with a star: Jewish youth in Nazi Europe*. N. Haven, 1991. Intro.
- ⁸ Art from the ashes: A Holocaust anthology / Ed. Langer L. L. Oxford, 1995. P. 242, 244.
- ⁹ Из интервью с Раисой В.
- ¹⁰ Из интервью с Фридой М.
- ¹¹ Niewyk D. L. *Fresh wounds: Early narratives of Holocaust survival*. [S. l.], 1998. P. 149.
- ¹² Wilkomirski B. *Fragments: Memories of a childhood, 1939—1948*. [S. l.], 1996. P. 3—4.
- ¹³ Hautzig E. *The endless steppe: Growing up in Siberia*. N.Y., 1989.
- ¹⁴ Toll N. S. *Behind the secret window: A memoir of a hidden childhood during World War Two*. N. Y., 1993. P. 52.
- ¹⁵ Rabinovici S. *Thanks to my mother*. N.Y., 1998.
- ¹⁶ Brahm R. L. *Perspectives on the Holocaust*. Boston, 1983. P. 130.
- ¹⁷ Boas J. *We are witnesses: Five diaries of teenagers who died in the Holocaust*. N.Y., 1995. P. 42.
- ¹⁸ Art from the Ashes. P. 138.
- ¹⁹ Iwens S. *How dark the heavens: 1400 days in the grip of Nazi terror*. N.Y., 1990. P. 214. Помимо приведенных в ссылках, при написании статьи использовались следующие публикации: *Bar Josef*. The Terezin requiem. L., 1963; *Children in the Holocaust and World War II: their secret diaries* / [Comp. by] L. Halliday. N.Y., 1995; *Chicago J*. Holocaust project: From darkness into light. N.Y., 1993; *Flinker M*. Young Moshe's diary: The spiritual torment of a Jewish boy in Nazi Europe. Jerusalem, 1965; *Frank A*. The diary of a young girl: The definitive edition. L., 1997; *Gilbert M*. The boys: Triumph over adversity. L., 1996; *Harris M. J.*, *Oppenheimer D*. Into the arms of strangers: Stories of the kindertransport. L., 2000; *Heyman E*. The diary of Eva Heyman. Jerusalem, 1974; *Hillesum E*. An interrupted life. N.Y., 1983; *The Holocaust*. Jerusalem, 1975; *Makarova E*. Therezienstadt: Culture and barbarism. Stockholm, 1995; *Morgenstern N*. I wanted to fly like a butterfly: A child's recollection of the Holocaust. Jerusalem, 1998; *Ozick C*. The shawl. [S. l.], 1990; *Terezin*. Prague, 1965; *Sosnowski K*. The tragedy of children under Nazi rule. N.Y., 1983; *Werner E. E*. Through the eyes of innocents: Children witnesses World War II. Oxford, 2000; *Witness: Voices from the Holocaust* / Ed. J. M. Green, Sh. Kumar, cons. J. W. Rudolf. N.Y., 2000; *Whitman D. B*. The uprooted: A Hitler legacy: Voices of those who escaped before the «final solution». [S. l.], 1993.